

Гузеев Жамал Магомедович

О СООТНОШЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена исследованию соотношения значений многозначного слова как особой микросистемы, в которой эти значения взаимосвязаны и взаимообусловлены. В ней рассматривается соотношение между прямым и переносным значениями многозначного слова, обращается внимание на критерии иерархического расположения значений в лексико-семантической структуре, к числу которых относятся степень самостоятельности значений слова, употребительности, их независимость от контекста. В статье подчеркивается, что переносные значения слов не менее функциональны, чем прямые.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 73-75. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811

Статья посвящена исследованию соотношения значений многозначного слова как особой микросистемы, в которой эти значения взаимосвязаны и взаимообусловлены. В ней рассматривается соотношение между прямым и переносным значениями многозначного слова, обращается внимание на критерии иерархического расположения значений в лексико-семантической структуре, к числу которых относятся степень самостоятельности значений слова, употребительности, их независимость от контекста. В статье подчеркивается, что переносные значения слов не менее функциональны, чем прямые.

Ключевые слова и фразы: образность значения; основное значение; производное значение; номинативное значение; экспрессивно-синонимическое значение; ассоциация; генетический перенос.

Гузеев Жамал Магомедович, д. филол. н., профессор
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
leylagergokova79@mail.ru

О СООТНОШЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

Лингвисты, занимающиеся вопросами полисемии, давно пришли к единому мнению, что значения многозначного слова связаны между собой каким-то общим смысловым стержнем, что «многозначное слово представляет собой микросистему, в которой значения взаимосвязаны и взаимообусловлены» [5, с. 32; см. также: 9, с. 376]. Однако в соотношении между прямым (основным, первичным) и переносным (производным) значениями многозначного слова остаются нераскрытые стороны.

Рассматривая смысловое соотношение между *основным* и производным значениями слова, следовало бы обратить внимание на самостоятельность значений многозначного слова и его тождества.

Самостоятельность лексических значений слова доказывает то, что каждое из них:

1. Обозначает отдельное понятие, поэтому названия этих понятий могут принадлежать разным лексико-семантическим группам. Например, у слова *тѣи* значение «бугор» [6, т. 3, с. 494] принадлежит к лексико-семантической группе «возвышенность» (*тау* – «гора» [Там же, с. 398], *дунпур* – «холм» [Там же, т. 1, с. 692], *тѣбе* – «курган» [Там же, т. 3, с. 472], *сырт*, *сыртлык* – «плато, плоскогорье» [Там же, с. 282]), а значение «грудинка (у птицы)» – к лексико-семантической группе «части тела птицы» (*кьанат* – «крыло» [Там же, т. 2, с. 541], *бут* – «нога» [Там же, т. 1, с. 529], *баиш* – «голова» [Там же, с. 360], *бауур* – «печень» [Там же, с. 356], *таидѣрден* – «желудок» [Там же, т. 3, с. 413], *жюрек* – «сердце» [Там же, т. 1, с. 1006]) (*здесь и далее перевод наш*).

2. Может входить в разные типы значений: первое значение данного слова *тѣи* – номинативное, второе по происхождению – экспрессивно-синонимическое.

3. Входит в отдельную антонимическую пару: *балк*. значение *тѣи* «бугор» [Там же, т. 3, с. 494] – *тюз* («ровное место») [Там же, с. 643], значение *тѣи* «грудинка (самое почетное место у птицы)» [Там же, с. 495] – *баиш* («самое нелюбимое место, которое обычно не едят») [Там же, т. 1, с. 360].

4. Имеет неодинаковую возможность для образования синонимов: значение *тѣи* «бугор» [Там же, т. 3, с. 494] – *тѣбе* («курган») [Там же, с. 472] – *дунпур* («холм») [Там же, т. 1, с. 692], значение *тѣи* «грудинка (птицы)» [Там же, т. 3, с. 495] не имеет синонимов.

5. Имеет различную лексическую сочетаемость: в значении «косогор» слово *тѣи* сочетается только со словами, показывающими размер: *уллу тѣи* – «большой косогор», *гитче тѣи* – «небольшой косогор», *бийик тѣи* – «высокий косогор», *алаиша тѣи* – «низкий косогор», а в значении «грудинка (птицы)» – со словами, показывающими размер, упитанность, название птиц: *уллу тѣи* – «большая грудинка», *гитче тѣи* – «маленькая грудинка», *семиз тѣи* – «жирная грудинка», *арыкъ тѣи* – «нежирная грудинка», *тауукъну тѣишо* – «грудинка курицы», *кьырым тауукъну тѣишо* – «грудинка индюшки», *кьазны тѣишо* – «грудинка гуся» и т.п.

6. Выявляет различные словообразовательные возможности: от значения *тѣи* «косогор» [Там же, с. 494] образуются: существительные *тѣишек* – «маграс» [Там же, с. 495], *тѣичюк* – «бугорок» [Там же, с. 497], *тѣишеме* – «мягкая удобная постель» [Там же, с. 496]; прилагательные *тѣишлю* – «бугристый» [Там же, с. 497], *тѣишюз* – «не имеющий бугров» [Там же, с. 495]; глагол *тѣише* – «стлать, мостить что» [Там же, с. 495], от значения *тѣи* «грудинка (у птицы)» [Там же, с. 495] – только прилагательное *тѣишлю* – «грудастый» [Там же, с. 497].

Несмотря на свою самостоятельность, указанные значения не нарушают тождества слова *тѣи*. Для объединения описания двух различных понятий в систему одного слова способствуют следующие факторы:

1. Одинаковость звучания. Это, конечно, не означает, что все одинаково звучащие слова входят в одну микросистему. Например, членами одной микросистемы не являются слова-омонимы *битдир* – «закончить, завершить» [Там же, т. 1, с. 441] и *биттир* – «летучая мышь» (фонетические) [Там же, с. 445], *ай* – «луна» [Там же, с. 68] и *ай* – «месяц» [Там же, с. 68], *иги* – «хорошо» и *иги* – «хороший» (лексические) и т.п. [Там же, т. 2, с. 63], потому что идентичность их звукового состава не зависит от системы слова, не подкреплена семантическими отношениями.

2. Определенные отношения, существующие между значениями слова на основе общих семантических ассоциаций. В нашем случае – метафора: основное и переносное значения объединяют сходство различных предметов, что и обеспечивает тождество слова «*тѣи*».

То, что производные значения образуются путем переноса названия с одного предмета, явления на другой предмет, явление по их сходству или смежности, говорит о том, что название первого предмета, явления является первичным, непродеривным. Однако ни в названии этого значения, ни в определении его сути нет полного согласия во мнениях лингвистов. Так, первичное значение одни из них называют общим значением, другие – главным значением [3, с. 81], третьи – обобщенным значением [2, с. 10], четвертые – ведущим значением [9, с. 380-381]. Большинство же исследователей называет это значение основным, что вполне соответствует, на наш взгляд, роли первичного значения слова: ему прямо или косвенно подчиняются все остальные значения.

Лексикологи признают, что не всегда можно легко выделить основное значение многозначного слова [7, с. 23; 8, с. 78]. Хотя его смысловой характеристике посвящена большая литература, еще не выработалось единое мнение о том, что является главным критерием определения основного значения. Большинство исследователей в качестве основного значения признают степень употребительности, другие – степень воспроизводимости, третьи – объем значения, четвертые – базовый характер.

С нашей точки зрения, ни один из этих критериев не отражает адекватно истинное содержание основного значения слова.

То, что основное значение слова не есть статистически господствующее, наиболее употребительное его значение, можно видеть, например, на значениях таких карачаево-балкарских слов, как *аякъ*, *дырын*. Сравним употребление прямых и производных значений этих слов.

Аякъ

1) «нога – одна из нижних конечностей человека, животных и птиц»: *улла*, *гитче*, *кенг*, *узун*, *къысха*, *ауруган аякъ* – «большая, маленькая, длинная, короткая, больная нога» [6, т. 1, с. 286], *атны*, *ийнекни*, *ёгюзню*, *къойну*, *эчкини*, *тюени*, *бузоуну*, *тауукъну*, *къазны д.а.к. аягъы* – «нога лошади, коровы, вола, овцы, козы, верблюда, теленка, курицы, гуся и т.п.»;

2) «конец, предел, последняя грань чего-либо в пространстве или во времени»: *ыйыкъны*, *айны*, *каварталны*, *жылны*, *ёмюрню*, *элни*, *сахарны*, *кёлню*, *бассейинни*, *орунну*, *тойну*, *жырыны*, *хапарны*, *ишни д.а.к. аягъы* – «конец, недели, месяца, квартала, года, века, села, города, озера, бассейна, постели, свадьбы, песни, рассказа, работы и т. п.».

Дырын

1) «скошенная трава»: *дырын жыяргъа* – «убирать сено» [Там же, с. 707], *дырын къуруду* – «скошенная трава высохла», *дырын чириди* – «скошенная трава сгнила», *дырынны айландырыгъа* – «переворачивать скошенную траву», *дырын жибиди* – «скошенная трава намочка»;

2) «процесс уборки сена»: *дырынга чыкъ* – «выйти на уборку сена», *дырын жетди* – «подшло время уборки сена», *дырынга барыгъа* – «идти на уборку сена», *дырындан келирге* – «прийти с уборки сена», *дырын башланды* – «началась уборка сена».

Нет никакого основания считать, что прямые значения этих слов более употребительны, чем их переносные значения. А таких слов в каждом тюркском языке довольно много. К тому же употребительность значений слов в тюркских языках не исследована, поэтому при решении этого вопроса лексикографы обычно руководствуются своей интуицией, а это часто приводит к субъективизму.

Структура производного слова имеет немаловажное значение для его осмысления. Однако на основе этого не всегда можно определить подлинное значение слова. Естественно, значения многих слов отличаются по объему (широте употребления): у одних он шире, у других – уже. Так, прямое значение слова *этек* «подол» [Там же, т. 3, с. 1117] употребляется в таких словосочетаниях: *кенг*, *тар*, *узун*, *къысха*, *хар этек* – «широкий, узкий, короткий, длинный, кружевной подол», *чепкенни*, *жыйрыкъны*, *тонну*, *плацны*, *палтонну*, *жамычыны этеги* – «подол платья, дубленки, плаща, пальто, бурки», *этегни бюк* – «подшить подол» и др., а переносные значения – «конец, край» – в двух словосочетаниях: *чегетни / агъачны этеги* – «опушка леса», *жер этеги* – «край света», «подножие» – в одном; *тауну этеги* – «опушка леса» – в другом. Но слов, у которых производные значения по объему не уступают прямым, в тюркских языках много (такowymi являются приведенные выше слова *аякъ*, *дырын*). Поэтому вряд ли можно считать широкие значения основными.

Известно, что не всегда можно установить прямую зависимость в развитии значений слов [7, с. 24]. Поэтому нельзя считать надежным критерий, согласно которому основным считается значение, на базе которого возникают остальные значения слова.

Нам представляется, что признак, на основе которого должно выделяться основное значение в слове, более удачно сформулировали Е. К. Курилович и Д. Н. Шмелев. Е. К. Курилович указывал на такой признак основного значения, как независимость его от контекста [4, с. 246]. Эта мысль в более ясной форме выражена Д. Н. Шмелевым, считающим основным такое значение, «которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее — синтагматически» [8, с. 212]. По мнению В. Н. Прохоровой, «основное значение есть название того понятия, в содержании которого сочетается большинство дифференциальных признаков понятий, обозначаемых этим словом» [5, с. 10].

Иногда нелегко бывает различать не только разные типы значения, но даже варианты одного и того же типа значения. Например, не так просто отграничить прямые номинативные значения слов *жагъа* – «ворот» [6, т. 1, с. 757], *тёппе* – «макушка, темя» [Там же, т. 3, с. 488] от их производно-номинативных значений «берег» (*сууну жагъасы* – «берег реки»), «вершина» (*тауну тёппеси* – «вершина горы»), потому что в тех и в других своих значениях эти слова называют предметы. Однако, в отличие от прямых номинативных («ворот», «макушка», «темя»), производно-номинативные значения («берег», «вершина») называют предметы не прямо, а через различные сравнения, ассоциации, которые возникают в сознании человека, но называют их более конкретно, чем прямые номинативные значения; ср.: *ёре жагъа* – «стоячий воротник»

и *тенгизни жагъасы* – «берег моря», *эки тѣппели* – «имеющий две макушки» и *терекни тѣппеси* – «макушка дерева». Основное их отличие в том, что производно-номинативные значения более зависимы от контекста, чем прямые номинативные значения.

Значения одного и того же типа, например, переносные, тоже неоднородны. Переносными являются такие значения, как значение «секрет, тайна», так и значения «начинка, фарш» (*хычинни ичи* – «начинка пирога»), «подкладка» (*пальтону ичи* – «подкладка пальто») слова *ич* – «внутренняя часть чего-либо» [Там же, т. 2, с. 135]. Однако образность первого и двух других переносных значений неодинакова: образность первого переносного значения функционирует, а у других переносных значений она уже не существует. Иначе говоря, перенос в первом случае собственный, а в других случаях – генетический. Исходя из этого, переносные значения слова можно подразделить на *собственно переносные* и *генетически переносные* [1, с. 23]. Вторые значения, называемые еще номинативно-переносными, функционируют в языке наравне с прямыми значениями, то есть для наименования предметов объективной действительности.

Список литературы

1. Гузеев Ж. М. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 196 с.
2. Кузнецова Э. В. О статусах слова // Исследования по семантике. Уфа: Изд-во Башкирского государственного университета, 1983. С. 3-10.
3. Курилович Е. Р. Заметки о значении слов // Вопросы языкознания. 1955. № 3. С. 73-81.
4. Курилович Е. Р. Очерки по лингвистике. М. Изд-во иностр. лит., 1962. 456 с.
5. Прохорова В. Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1980. 88 с.
6. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Нальчик: Эль-Фа. Т. I. А-Ж. 1996. 1016 с. Т. II. З-Р. 2002. 1168 с. Т. 3. Ш. С-Я. 2005. 1160 с.
7. Туркина Р. В. Семантическая структура слова (на материале современного русского языка): учебное пособие. Калинин: Калининский университет, 1977. 88 с.
8. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
9. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.

ON THE CORRELATION OF POLYSEMANTIC WORD MEANINGS (BY THE MATERIAL OF THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE)

Guzeev Zhamal Magomedovich, Doctor in Philology, Professor
Kabardian-Balkarian Institute for Humanities Researches
leylagergokova79@mail.ru

The article is devoted to the studying the correlation of polysemantic word meanings as a specific microsystem, in which these meanings are interconnected and interdependent. The correlation between direct and indirect meanings of a polysemantic word is examined. The author pays attention to the criteria of hierarchical arrangement of meanings in the lexical-semantic structure, including the degree of word meanings independence, frequency of use, their independence from context. The paper highlights that figurative meanings of words aren't less functional than direct.

Key words and phrases: imagery of meaning; general meaning; derived meaning; nominative meaning; expressive-synonymic meaning; association; genetic transfer.

УДК 81'373.6

Статья посвящена использованию языковой игры в языке научных и нормативных текстов по пожарной безопасности. Автором проведен анализ языковых агентов, демонстрирующих языковую игру, выявлены функции агентов «мемов», «концептов» и «идеологем». В статье обозначены способы образования терминов в области пожарной безопасности и рассмотрен переход терминов «риск-ориентированная модель» и «чрезвычайная ситуация» в объекты тиражирования научных знаний «мемы», «концепты» и «идеологемы».

Ключевые слова и фразы: языковая игра; мемы; концепты; идеологемы; термины; дискурс; пожарная безопасность.

Ермолаева Жаннетта Евгеньевна, к. филол. н.
Академия государственной противопожарной службы МЧС России
Zhannetta13@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТЕСТАХ ПО ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СПОСОБ ТИРАЖИРОВАНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Вопросами языковой игры занимаются отечественные и зарубежные ученые в области философии, культурологии, психологии, педагогики, лингвистики. А существование множества определений, подходов, классификаций еще раз говорит о том, что это явление сложное и неоднозначное. Однако, несмотря на то, что существует